

О, эта подлая постель,
О, этот злобный Коктебель,
О, будь ты проклят и забыт!
О, счастье — дождик моросит...

Ну что, Витя, поехали...

Мой друг, писатель Леонид Бабанин, прошлым летом прошел пешком от Ханты-Мансийска до Москвы. Даже если его путь всего лишь проследить по карте, расстояние вызывает страх и ужас. Примерно такое же состояние испытываю сейчас и я, находясь в самом начале романа, — мне предстоит преодолеть трехсотую страницу, а там уж как бог даст. Бабанин шел два месяца. У меня примерно столько же времени. Ему было легче — его не одолевали соблазны, а у меня рядом, в одном километре, гудит, грохочет, клокочет Москва. Но я не могу больше носить в себе историю, которую собираюсь рассказать, такое никто не сможет носить в себе слишком долго. Да и зачем, если есть бумага и два месяца свободного времени... (Сразу признаюсь... Не уложился я в два месяца и в четыре тоже. Полгода моей единственной жизни сожрали эти страницы — все дождливое лето 2008 года, да еще прихватили конец весны и начало осени.)

Коктебель... Опять Коктебель...

Когда-то я воспел его в «Брызгах шампанского» с восторгом искренним и неудержимым. Но все меняется. Строчки в начале этой страницы передают нынешнее мое к нему отношение. Возможно, когда-нибудь я снова его полюблю, любовью легкой и необязательной, но чуть попозже, чуть попозже...

Поезд из Днепропетровска в Феодосию приходил на рассвете, чуть ли не в четыре часа утра, но было уже светло, и утренняя сумеречность быстро исчезала под напором поднимающегося из-за моря розового сияния. Свежий, ночной еще воздух трепал вагонные шторы, сонная проводница незлобиво ворчала на бестолковых пассажиров, за окном мелькали редкие алые маки, голубоватая крымская полынь чуть колыхалась на слабом ветерке.

Все это было знакомо, все радостно волновало и обещало скорую встречу с морем. Недолго постояли у Владиславки, еще меньше у Айвазовской и — впереди осталась только Феодосия. Сквозь мутные, годами невымытые стекла вагонов можно было рассмотреть еще пустынные пляжи, потом потянулась набережная, утыканная разноцветными киосками. И, наконец, состав, скрежеща и содрогаясь всем своим ржавым железным телом, начал тормозить.

Приехали.

Феодосия.

«А вы не ждали нас, а мы приперлися», — пел я когда-то в давние наши глупые и веселые времена. — «Многих уж ребят с тех пор не стало, многие подались кто куда, времена счастливые настали — снова появились господа... Но исчезли наши переулки, наши подворотни и дворы, не услышишь больше старой «Мурки», подрастают юные воры...»

Такие вот теперь песенки пошли...

Авось и других дождемся.

Водитель, видимо, узнал Андрея, поздоровался, подхватил его сумку и, не спрашивая согласия, поволок ее к машине. Андрей не возражал. В Коктебеле его многие знали.

— Как погода? — спросил он, когда уже выехали за город.

— Ну, ты даешь! — рассмеялся Саша, только сейчас Андрей вспомнил, что водителя звали Сашей. — Какая погода может быть в июле в Коктебеле! Снег валит каждую ночь! Но к утру тает.

— А вода?

— Двадцать три. Сойдет?

— Стерплю.

Саша долго молчал, обогнал машину, еще одну, на горизонте показались острые вершины Карадага. Улучив момент, он быстро взглянул на Андрея:

— Докладываю... У Наташи все в порядке. Весела и хороша собой.

— Пользуется успехом?

— Как никогда!

— Дай бог, — сказал Андрей спокойно. Почти спокойно. — К ней не пробиться?

— Можно, но не стоит. Там такие качки... В Коктебель боксеры на сборы приехали... И тяжеловесы. Юношеская сборная Украины.

— Круто... А Света?

— А у Светы плохо.

— Болеет?

— Хуже.

— Но хоть жива? — спросил Андрей, уже не зная, что думать.

— Еле-еле душа в теле.

— Говори уже наконец!

— Понимаешь... Андрюша... Дочка у нее... Погибла дочка. Леночка... Месяца два назад.

— Утонула?

— Хуже... Ты вот что... Загляни к Свете... Она сейчас маленько не в себе... Что сможет, сама расскажет. Не все она рассказывает, не всем... Ты обязательно к ней зайди... Это не мое, конечно, дело... Но Коктебель — поселок небольшой...

— Саша, — простонал Андрей, — не тяни!

— Видишь ли... В поселке поговаривают... Леночка-то... На тебя похожа. Была.

— Так, — протянул Андрей озадаченно. — Так... На одного меня?

— Андрюша... Я все понимаю. Коктебель — поселок не только маленький, но и блудливый. Как сказал наш поэт Жора Мельник... «Я проснулся — нет вина, и к тому ж в чужой постели... Значит, точно с будуна, значит, точно в Коктебеле».

— Как поживает Жора?

— Хорошо поживает. Выпустил книгу... «Души нетрезвые порывы». Пользуется бешеным успехом у юных красавиц.

— Жора или книга?

— Оба! — хмыкнул водитель.

— Света живет там же?

— А где же ей еще жить?

— Тоже верно...

— К ней едем? — осторожно спросил Саша.

— Да боязно спозаранку... После твоих рассказов... Зайду, конечно. Позже. Еще застану там кого-нибудь... Из юношеской сборной.

— Ей сейчас не до этого... Она знает, что ты приезжаешь?

— Нет. Только Жора.

— Что ж он не встретил?

— Да ладно... Чего мужика дергать в такую рань. Ему пришлось бы среди ночи в Феодосию мчаться... Он тоже все знает?

— Все знают.

— Почему же он мне ничего не сказал? Мы перезванивались...

— Стеснялся.

— Так что там с Леночкой? Задушили, зарезали, изнасиловали?

- Всего понемножку. Куда едем?
- В Дом творчества.
- Там сейчас никого нет.
- Вахтер-то найдется... Муха на месте?
- При исполнении. Муха всегда на посту.

Машина, не снижая скорости, проехала в громадную ажурную арку с надписью, которую можно было прочитать за километр, — «Коктебель — страна коньяков».

— Соответствует? — спросил Андрей, кивнув на арку.

- Еще и как! Убедишься сегодня же...

Когда-то, кажется, совсем недавно коктебельский Дом творчества писателей был едва ли не самым соблазнительным местом в стране. Сюда стремились не только те, чьи портреты украшали школьные учебники по литературе, но и юные дарования, жаждущие увидеть классиков хотя бы издали, а если повезет, то и прочитывать им свои незрелые стишата. Сейчас весь роскошный парк перегорожен железными заборами на участки, у каждого уже свой хозяин, кто-то уже вырыл траншеи под фундамент, вырубил акации и кипарисы, завез бетонные блоки, плиты, перемычки — новая жизнь наступает решительно и необратимо.

Да и классики куда-то все подевались, не видно их последнее время ни на коктебельской набережной, ни в нижнем буфете Дома литераторов в Москве, ни на книжных ярмарках — замкнулись, в себя ушли, в угрюмом молчании переживают счастливые перемены в стране.

Административный корпус стоял темный, с закрытыми дверями, которые вдобавок были еще укреплены кованой решеткой. Андрей постучал, в глубине здания возникло какое-то движение, и он увидел знакомое сонное лицо Веры — бывшей хозяйки столовой Дома творчества.

— О, какие люди! — радостно закричала она и при-
нялась отмыкать замки. — К нам?

— Как получится... Если возьмете.

— У нас нынче дорого.

— Да слышал... Поставили телевизоры и увеличили
плату в десять раз.

— Как и везде, Андрей Николаевич. На диване по-
стелить?

— Давай на диване.

— Часа три еще можно поспать. Может, у меня и
поселишься? Совсем рядом, за забором... Условия даже
лучше, чем здесь...

— Как получится, — повторил Андрей.

Вера погасила свет в вестибюле и ушла в свою ка-
морку. Андрей, не раздеваясь, лег поверх одеяла и, за-
кинув руки за голову, попытался разобраться во всем,
что рассказал Саша.

Света... Что-то у них с ней получалось, что-то не полу-
чалось... Коктебель действительно небольшой поселок,
и без внимания она здесь не оставалась ни летом при
наплыве отдыхающих, ни зимой при саднящей тишине,
пустоте, когда от безлюдья можно было тронуться умом.
В любимчиках Андрей у нее давно уже не числился, и
теперь, в последние годы, ему вполне хватало вечерней
беседы с тем же Жорой Мельником или со Славой Лож-
ко — на голубой скамейке у набережной они частенько
распивали бутылку-вторую холодного алиготе, обсуж-
дая подробности быстротекущей жизни.

Леночка... Ей было лет десять... Поэтому если она
и была похожа на Андрея, то по чистой случайности.
Десять лет назад его здесь не было, десять лет назад он
ездил в Пицунду. Там и лето длиннее, и море чище...
А песок, какой там песок! А какую чачу делали местные
виноделы... Коктебельский коньяк не сравнится — он и
жестче, да хмель какой-то нерадостный. А от чачи шел

дух «Изабеллы», «Лидии»... Виноград нашей молодости, ребята. И хмель чача давала легкий, веселый, беззаботный! Хотя вполне допускаю, что и легкость, и беззаботность давала не столько чача, сколько те еще наши годы.

Повздыхав, поворочавшись на диване, Андрей в конце концов все-таки заснул. Не поверил он водителю. И в те ужасы, которые сам же и расписал, тоже не поверил. У Коктебеля были, конечно, недостатки — мог здесь человек и загулять, и запить, мог удариться в другие не менее соблазнительные пороки, но чтобы вот так... «задушили, зарезали, изнасиловали», как Андрей предположил в глупом каком-то кураже... Нет, невозможно, опять же Света местная, а местных здесь стараются не трогать, разве что они сами пожелают оторваться с приезжей компанией. На что уж Наташа любит распоясаться, но и ее чаще можно увидеть с местными. С ними можно и покурить чего-нибудь запретного, и выпить лишнего, не опасаясь, что бросят тебя где-нибудь в состоянии беспомощном и недостойном.

Проснулся Андрей уже в девятом часу. Солнце ломилось в окна с такой силой, что, кажется, под его лучами прогибались стекла, за окнами раздавались голоса, гул машин — теперь уже и машинам позволено было ездить по заветным аллеям парка. Вера еще спала, и он не стал ее будить. Сложив белье в стопку, расположив сверху подушку и распрямив, одернув все четыре уголка, Андрей подхватил свою сумку и вышел в парк.

Сквозь зелень деревьев пробивались солнечные зайчики, загорелые красавицы стайками торопились по центральной аллее к морю, знакомый вахтер Муха у железных ворот приветствовал его, как всегда, радостно и хмельно.

— Денег у тебя одолжу потом, — таинственно прошептал Муха. — А пока обживайся.

— Договорились, — ответил Андрей.

Все в это утро было прекрасным, но не покидало Андрея не то дурное предчувствие, не то отголоски разговора с водителем, не то собственные неосторожные слова, выскочившие как бы сами по себе, как бы даже без его участия. Знал он, не впервой, что подобное состояние не бывает на пустом месте, не бывает зряшным. Что-то все-таки случилось со Светой, что-то громоздкое, тяжелое и неприятное ожидало его на пятом этаже дома в Долинном переулке.

Андрей взял в киоске коньяк, бутылку пива и расположился на скамейке лицом к солнцу. Пиво было холодное, киоскерша Надя поздравила его с прибытием, Саша от своей машины помахал рукой, напоминая, что он на месте и в случае чего всегда готов куда угодно. Андрей тоже взмахом руки ответил, что все понял, что водителя и необыкновенное его мастерство помнит, и в случае чего только к нему и ни к кому больше...

Коктебель узнавал его, приветствовал в первое же утро и готов был принять в свои объятия. Но в душе продолжало что-то ныть и жалобно поскуливать. Не выдержав, Андрей бросил в железную урну бутылку с остатками пива, набросил ремень сумки на плечо и, не останавливаясь, зашагал в сторону рынка, к Долинному переулку. Не зря он тянул время, не решаясь появиться у Светы до девяти часов — опасался застать у нее ночного ухажера, как это уже бывало.

Коктебель — куда деваться.

По ступенькам Андрей поднимался медленно, чтобы не запыхаться к пятому этажу. На площадке постоял некоторое время и наконец решил позвонить.

Дверь открылась тут же — на пороге стояла Света.

— А, это ты, — проговорила она без выражения и, пропустив в коридор, закрыла за его спиной дверь, задвинула щеколду замка. — Не разуйся, — сказала она, увидев, что он наклонился к босоножкам.

— А может, все-таки... — начал было Андрей, но Света не дослушала.

— Как хочешь. — Она первой прошла на кухню, села спиной к окну, забросила ногу на ногу и закурила. — Присаживайся. Выпить есть?

— Коньяк.

— Давай по глоточку.

Что-то в Свете озадачивало Андрея. Он попытался понять, взглянул на нее внимательней. Похудела, осунулась. Ногти не в порядке. Домашний халат, а под ним, похоже, ничего. Загар на груди сплошной. Значит, с нудистами загорает, как обычно. У блондинок часто волосы у корней темные — у Светы этого никогда не было, нет и сейчас. И глаза... В глазах у нее вроде затаилась та темная громоздкость, которая привиделась ему, когда он лежал на диване в вестибюле Дома творчества.

— Ну что? — спросила Света. — Изменилась?

— Немного есть.

— Знаю. — Она раздавила окурочку в переполненном блюде, взяла у Андрея бутылку, одним движением свинтила пробку и плеснула в две чашки, стоявшие на столе. — Извини, не хочется возиться с рюмками. Я помню твою привычку — протирать рюмки до хруста... Попозже, ладно? Будем живы. — Она глухо ткнулась чашкой в чашку Андрея, выпила коньяк одним глотком и снова закурила. — Как поживаешь?

— Поживаю, — Андрей повертел ладонью в воздухе. — По-разному. Мне уже успели сказать... У тебя что-то случилось?

— Это тебе так сказали? У меня что-то случилось?

— Водитель по дороге... Саша, ты его знаешь...

— И что же он сказал?

— Да ничего толком... Сказал, что ты сама расскажешь... Если захочешь.

— Правильно сказал... Лену убили. Задушили, зарезали, изнасиловали.

Андрей вздрогнул, услышав слова, которые сам недавно произнес. Не зная, что ответить, наполнил чашки. Отставил бутылку, поднял свою чашку, Света тут же взяла свою.

— Давай, Андрюша... Я могу разговаривать только после двухсот грамм коньяка. Будем живы. Хорошо, что ты зашел... Мне Жора сказал, что ты приедешь... У него книжка вышла... Слышал? Он тебе подарит... Всем дарит.

На этот раз Света выпила медленно, осторожно поставила чашку на стол и откинулась на спинку продавленного пляжного кресла.

— Когда это случилось? — спросил Андрей.

— Днем. Я отлучилась в Феодосию. Часа на три.

— Где?

— Дома. Здесь.

— А как он вошел? Лена впустила?

— Нет... Он ее впустил.

— Так...

Андрей работал журналистом, писал очерки на криминальные темы — следственные, судебные, адвокатские. Он знал взаимоотношения судьи и прокурора, адвоката и подследственного, следователя и оперативного работника. Были у него в прошлом заметные подвиги — как-то удалось снять областного прокурора, понизить в должности министра, нескольких человек вытащил из-за колючей проволоки, и это получалось, хотя и нечасто. Пусть нынешние, вроде бы при свободе, без цензуры, попробуют добиться чего-нибудь похожего. Впрочем, они и не стремятся к этому. У них другие заботы, да и журналистика нынче другая, другие цели — личные, мягко выражаясь.

За краткими ответами Светы ему открывалось гораздо больше, чем она могла или хотела сказать. Умел он вести подобные расспросы и знал — главное, не пережать, не показать излишнего своего интереса, не проявить своего отношения к убийству. Вопросы должны быть простенькими, не беда, если они покажутся глуповатыми, за ними — искренность и потрясение.

— Значит, он пришел в квартиру раньше Лены? — Андрей повторял вопросы, на которые уже получил ответы — Света говорила нечто такое, что трудно было понять с полуслова.

— Ты, Андрюшенька, стал на удивление сообразительным, — кривовато усмехнулась Света.

— Стараюсь.

— Да, он пришел в квартиру раньше Лены и дожидался ее уже здесь.

— А как вошел?

— Через дверь.

— У него был ключ?

— Да.

— Где же он его раздобыл? Украл? Нашел? Снял слепок?

— Все проще, Андрей... Я сама ему дала.

— Ключ? — не удержался от уточнения Андрей.

— И кое-что еще... Рассказать подробнее?

— В другой раз. Его взяли?

— Нет.

— Успел сбежать?

— Нет. Он в Коктебеле. Загорает, пьет коньяк, знакомится с девушками... Прекрасно себя чувствует. Здоров, весел, слегка пьян.

— Но убил Лenu он?

— И все остальное с ней проделал тоже он.

— А что еще он с ней проделал... Кроме того, что убил? — Андрей чувствовал, что вопросы задает действительно дурацкие, но других у него не было.

Все, что говорила Света, выходило за рамки здравого смысла. Она сама дала убийце ключ, уехала на три часа в Феодосию, убийца дождался ребенка, изнасиловал, убил и благополучно ушел... Андрей молча взял со стола бутылку, снова наполнил чашки коньяком и, не дожидаясь, когда Света возьмет свою чашку, выпил.

А Света поднялась, прошла в комнату и тут же вернулась.

— Посмотри, — сказала она, протягивая снимок.

Андрей легко взял фотографию, всмотрелся и тут же зажмурил глаза. Не закрыл, не прикрыл, а именно зажмурил, словно опасался, что изображение просочится сквозь неплотно сомкнутые веки. Прошло какое-то время, пока он решился снова взглянуть на снимок. Видимо, его сделали уже в морге. Глаза девочки были приоткрыты, и она смотрела прямо на Андрея. И даже легкая улыбка, казалось, чуть тронула ее губы. Но это был мертвый взгляд, и улыбка мертвая. Но ужаснуло Андрея другое в снимке — все тело было покрыто ранами от ножа. Убийца, видимо, потерял самообладание и бил куда попадал.

— Двадцать шесть ударов ножом, — негромко проговорила Света.

— Многовато, — некстати проговорил Андрей.

— Да уж куда больше. — Света не заметила странного замечания Андрея.

— Это сколько же ей было... Десять лет?

— Восемь.

— Подожди... Ты же говорила, что ей десять! Ты не один раз мне говорила, что ей десять лет, а в школе она отстает на два класса по болезни... Ты же сама мне говорила!

— Врала, — усмехнулась Света. — Чтобы успокоить тебя... Уж больно ты переживал, все добивался от меня, сколько ей лет... Вот я и сказала, что десять. И у тебя сразу все вопросы отпали, поскольку десять лет назад мы с тобой еще не были знакомы. И снова у нас мир, дружба и даже что-то вроде любви, да, Андрюшенька?

— А Лена...

— Она все знала. Дети чувят. Ей и слова-то мои были не нужны. Как-то прибегает ко мне работу, я тут недалеко в магазин на зиму устроилась продавцом... Так вот, прибегает, счастливая вся, глаза сияют, даже шапочку не успела надеть — папа звонил! Это ты как-то среди зимы вспомнил обо мне...

— То-то мне Саша сегодня в машине намекнул... На тебя, дескать, Лена была похожа.

— Да что там Саша! Весь Коктебель об этом судачит! Но теперь-то тебе нечего бояться, никто на шею не сядет!

— Лучше бы уж села. — Андрей осторожно положил снимок на стол изображением книзу.

— Эти бы слова, да чуть пораньше, — тихо проговорила Света. — Я этот снимок каждый вечер под подушку кладу... И знаешь, к утру раны у нее на теле меньше становятся. Представляешь, затягиваются. Когда мне в милиции этот снимок вручили, раны были куда больше... Не то что сейчас... И глаза у нее на снимке открываются все больше, улыбка появилась... Слабенькая такая улыбочка, но все-таки... — Света взяла снимок и, склонив голову к плечу, еще раз всмотрелась в него. — Надо же, улыбается. У нее раны ведь совсем затянутся, да? — Света доверчиво посмотрела на Андрея, словно ожидая, что он подтвердит ее слова.

— Ладно, — сказал он. — Разберемся. А почему милиция его не взяла?

— Они не знают, кто это сделал.

— Ты не сказала?

— Нет.

— Почему?

— Так надо.

— Ты не хочешь, чтобы его наказали?

— Ты что?! Конечно, хочу!

— Не понял?

— Я не хочу, чтобы его наказала милиция, не хочу, чтобы был суд, чтобы все выясняли, выспрашивали, уточняли подробности, куда он вначале ударил, куда ударил потом, изнасиловал он ее сперва или задушил... Не хочу. Ни милиции, ни суда, ни приговора не хочу.

— Тогда я сам с ним разберусь.

— Нет, не надо.

— Так. — Андрей посмотрел на бутылку, в которой еще оставался коньяк, но наливать не стал. Разговор опять оказался за пределами здравого смысла, Света, похоже, поплыла, и психиатр ей бы не помешал.

— Думаешь, умом тронулась? — Она усмехнулась. — Нет, — захмелев, Света медленно поводила указательным пальцем из стороны в сторону. — Я не хочу никакого правосудия, никакой людской справедливости. Я хочу божьей кары. Бог не может такое простить. Вот он пусть его и накажет. Как сочтет нужным. И как бы он ни поступил, я буду согласна.

Андрей помолчал, окинул взглядом кухню, взгляд его снова уперся в бутылку, на этот раз он не стал бороться с собой и разлил остатки коньяка.

— Знаешь, есть пословица... Бог, конечно, все видит, да не скоро скажет.

— Я подожду. — Света, не чокаясь, выпила свой коньяк. — А пока... Пока я буду наказывать его свободой. Ты где остановился?

— Вера приглашала.

— Правильно. У меня не надо. Я сейчас плохая, как ты успел заметить, — и легкая, почти неуловимая вульгаринка прозвучала в ее тоне. — А ключи вот возьми на всякий случай.

— Это те самые ключи?

— Да. Он впопыхах оставил их в двери. Жизнь прижмет — заходи в любое время.

— Спасибо. — Андрей подбросил ключи на ладони. — Не с ними ли я провел прошлое лето?

— Они самые. Не бойся, они уже незаразные — я их неделю в водке отмачивала.

— А я случайно не наткнусь здесь на кого-нибудь?

— Не наткнешься, Андрюшенька. Это я тебе обещаю.

— Как зовут этого придурка?

— Не скажу.

— Я его знаю?

— Нет, он из новеньких.

— Телефон Веры помнишь?

— Что за глупые вопросы!

— Мне надо идти... Вот номер моего мобильного. — Андрей положил на стол визитку. — Извини. Я загляну. Ни пуха.

— К черту!

Андрей больше не мог находиться в этой квартире, не мог вести почти сумасшедший разговор и, уходя, попросту сбежал, а если уж точнее — спасался. Подхватив свою сумку, он набросил ремень на плечо, у двери обернулся. Что-то надо было сказать, какие-то слова произнести, посочувствовать... Но нет, не нашлось у него слов. Может, и к лучшему, подумал он, спускаясь по лестнице. Слова, сказанные в такие вот печальные минуты, имеют обыкновение выныривать из прошлого в самые неподходящие моменты и вмешиваться уже в ту жизнь, в события, которые случатся через годы. И не

всегда вмешательство давних случайных слов уместно, часто оно просто разрушительно. Лучше уж без них обойтись. Скажу что-нибудь попозже, решил Андрей.

«Значит, говоришь, затягиваются раны, — мысленно обратился он к Свете. — И глазки открываются, и улыбка все шире... Если так дальше пойдет, прыгнет она однажды с каменного стола в море и пойдет бродить по коктельским набережным... Хотя куда это меня занесло... Ведь давно уже похоронили девочку».

Должность у Веры в Доме творчества была не слишком высокой — заведующая столовой. Но дом она построила хороший, трехэтажный, почти на территории парка. До моря можно было дойти минут за пять. Поэтому летом комнаты в доме не пустовали, несмотря на цену. Серьезная цена была у Веры, как, впрочем, и у всех, кто жил весь год на эти летние заработки.

Андрею досталась комната на третьем этаже — маленькая, но со всеми удобствами и с совершенно потрясающим видом на Карадаг. Один этот вид, наверно, стоил половину общей цены. Не задерживаясь, Андрей бросил сумку в угол, запер дверь и спустился вниз.

— Глоточек? — окликнула его Вера, женщина молодая, жизнерадостная и прекрасно понимающая, чего хочется постояльцу, который первый раз спустился во двор.

Андрей молча подошел к небольшому столику в тени акаций, сел на табуретку, подпер руками подбородок и в упор посмотрел на хозяйку.

— А в прошлом году не спрашивала, — ворчливо проговорил он.

— Я и сейчас не спрашиваю... Я напоминаю. — Из большой квадратной бутылки она наполнила стакан густым темно-красным вином.

Андрей залпом отпил полстакана, вытер ладонью губы, улыбнулся.

— Кагор?

— Он самый.

— Вот только сейчас понял, что я в Коктебеле.

— У тебя еще будет возможность повторить эти слова не один раз.

— И повторю! — отчаянно произнес Андрей и допил вино.

— Добавку? — спросила Вера.

— Сейчас не надо. Я уже после пива и коньяка... А вот буду уезжать — десять литров с собой прихватчу.

— Подготовлю, — кивнула Вера. — Светку видел?

— Видел.

— Как она?

— Плохо. Похоже, чуть сдвинулась.

— Это многие заметили.

— Дитё твоё? — Вера исподлобья в упор посмотрела на гостя.

— Не знаю... Вряд ли и она знает это наверняка. У нас с ней до сих пор разговора об этом вообще не было.

— А сейчас?

— Дала понять.

— Привыкай. Этот разговор будет возникать постоянно. С кем бы ты ни встретился. У Светки здесь своеобразная репутация... Ты знаешь. Но это убийство ее как бы очистило. И потом — убит твой ребенок. В этом ни у кого нет сомнений. Зверски убит.

— И у тебя тоже нет сомнений?

— Никаких. — Вера взяла бутылку и наполнила два стакана. — Конопушки на носу, глазки голубенькие, ушки врастопырку... Никуда не денешься. Плод коктейльской любви. Не ты первый, не ты последний.

— И что же делать?

— Жить. Но... Осторожно.

— В каком смысле?

— Светка недавно заглянула ко мне... Мы с ней хорошо посидели за этим столиком. Пили вот этот кагор. Из этих же стаканов. Она мне кое-что рассказала... Немножко приоткрылась... Вернее кагор ее чуть приоткрыл. Болтать не буду, не моя это тайна, но она и тебе расскажет. Не выдержит.

— Уже, — обронил Андрей.

— Ну, вот видишь... — Вера подняла свой стакан. — Отдыхай, загорай, пей коньяк с хорошими людьми, — она усмехнулась, — но по сторонам оглядывайся. — Вера отпила глоток. — Если она поделилась со мной, с тобой... Наверняка мы не единственные. Женской своей дубленой шкурой чую дыхание нехорошего ветра. Вы оба в опасности. И ты, и Светка. С похоронами Леночки ничего не закончилось. Все продолжается. И она, дура, своими гуманными хохмами все только усложняет. Или, как говорили в свое время мои клиенты в писательской столовой, усугубляет. Я внятно выражаюсь?

— Вполне. А откуда опасность?

— Значит, ни фига ты не понял. Тебе Леночки мало? Пока Светка и ты живы, этот тип не может чувствовать себя в безопасности. Так понятней?

— Выходит, хлопотная у него жизнь началась.

— Знаешь, Андрей... Ты вот только сегодня появился... У нас эта жизнь началась два месяца назад.

— А вам-то чего беспокоиться?

— Так ведь маньяк завелся в наших краях! Он не остановится. Они такие, маньяки. Остановиться не могут. Пройдись вечерком по набережной... Она куда свободнее, чем это бывает в июле. И ночных купаний что-то не видать... Мои постояльцы, кстати, ночью не приходят по одному... Кучкой возвращаются.

— Осадное положение? — Андрей с улыбкой взял стакан.

— Тебе Светка показывала Леночкин снимок из морга? Это смешно? Забавно? Особенно, когда она говорит, что на снимке раны у Лены затягиваются, улыбка появляется... Тебе говорила об этом? Молчишь. Значит, говорила.

— А кагор хороший. — Андрей отпил глоток вина.

— Ха... Из заводских бочек. Как говорится, цельный. Нигде не разбавленный, ни в каких цистернах еще не побывавший. А вообще-то мы тебя раньше ждали.

— Не знал я! — почти закричал Андрей. — Не знал!

— Светка не позвонила?

— Нет!

— Дура, — беззлобно сказала Вера.

— Пойду я. — Андрей допил вино уже стоя. — К Славе загляну.

— Он у себя. Час назад в «Богдане» видела.

Протиснувшись сквозь узкую калитку, предназначенную, похоже, только для своих, Андрей оказался в парке Дома творчества. Постояв некоторое время, он наугад пошел по еле заметной тропинке. С таким примерно ощущением он ходил когда-то по остаткам Трои, маялся среди уцелевших колонн греческих храмов, бродил по древнему стадиону на острове Родос. Вроде как бы что-то и осталось, но жизнь ушла. Не было жизни ни в Трое, ни среди мраморных, пожелтевших от времени колонн, не грохотали трибуны азартом жизни на непривычно вытянутом Родосском стадионе. Хотя трибуны эти, вытесанные из камня тысячелетия назад, и сейчас готовы были принять толпы болельщиков в белых туниках...

Да и в адидасовских майках тоже.

Не было жизни и в парке Дома творчества. Хотя остался вечно пустой бассейн с каменной глыбой, торчащей в ясное небо, кое-где просматривались тропинки, остался постамент, на котором когда-то, как голова

профессора Доуэля, горделиво восседала голова вождя мирового пролетариата.

Но жизни не было.

Хотя обилие пустых бутылок, банок, упаковок, которые, как оказалось, были не менее долговечны, нежели греческие колонны, говорило о том, что жизнь здесь все-таки присутствовала. Во всяком случае, проходил год за годом, а не брали эти отходы ночной человеческой жизнедеятельности ни время, ни зимние холода, ни летний зной, и располагались они уже какими-то геологическими пластами, по которым можно было судить, в каком году каким напиткам, каким закускам отдавалось предпочтение на коктейльском побережье. В годы, относящиеся к эпохе демократических перемен, отдавалось предпочтение пиву, потом отдыхающие постепенно, робко и неуверенно, приблизились к сухим винам. И, наконец, в последние годы в помойных ямах, щедро разбросанных по парку, все чаще стали попадаться бутылки из-под коньяка. В более глубоких слоях встречались в основном мерзавчики, потом, ближе к поверхности, пошли чекушки, поллитровки...

Жизнь постепенно возвращалась в эти священные места, но как-то своеобразно, бутылочно. Ни черновики писательских, ни сломанных авторучек или карандашей, ни спрессованных временем рукописей с авторской правкой...

Не попадалось.

А какие стихи звучали здесь при восходе луны или на рассвете, какие рождались формы и рифмы! Какие трепетные юные дарования обретали здесь признание, уверенность, а то и любовь! И не только в стихах, ребята, не только в стихах, но и в жизни тоже, потому что вокруг кипела, бурлила, клокотала жизнь. А какие крылья вырастали у них за спиной, и как, взмахнув этими белыми крылами, устремлялись они в предрассветное

небо, и там, в вышине, в первых лучах солнца, эти крылья становились розовыми, и розовой казалась жизнь, которая ожидала их на земле. А чтобы окунуться в эту счастливую жизнь, юным дарованиям достаточно было просто сложить нежные, как пеликаний пух, крылья за спиной и скользнуть по воздушным струям на эти вот аллеи, в эти вот восторги, искренние и вдохновенные, в эти свои же счастливые рифмы и формы.

И никто этому не удивлялся, потому что вокруг был Коктебель.

Тот еще Коктебель, ушедший ныне в геологические пласты. Как сказал поэт Жора Мельник: «Прощай, мой Коктебель конца семидесятых, с недорогим сухим разбавленным вином...» Он же произнес и не менее печальные слова и не менее прекрасные: «Прощай, мой Коктебель, ты мне не по карману...»

Но я еще вернусь и к поэту, и к его произведениям.

Света подошла к балконной двери и, чуть раздвинув шторку, увидела внизу Андрея. Он, не оглядываясь, дошел до угла дома и повернул налево. В полной уверенности, что Света наблюдает за ним с балкона. В прежние годы он всегда оглядывался, всегда махал ей рукой влюбленно и радостно. В те годы они только так и расставались — влюбленно и радостно, в полной уверенности, что увидятся снова через полчаса. Только полчаса требовалось Андрею, чтобы выбрать на соседнем рынке креветок, самых крупных и красных, чтобы выбрать красное вино каберне и самый большой арбуз, глухо и многообещающе потрескивающий в своих алых глубинах...

Какие были времена!

«Но мне их не вернуть ни памятью, ни сном» — как выразился однажды все тот же Жора Мельник. Он знает, о чем говорит: в этом году ему шестьдесят, шестого мая.

Не забыть бы в суете, глупой и бестолковой.

Убедившись, что Андрей ушел, Света вернулась на кухню и, сдвинув от сосредоточенности брови, аккуратно, до последней капли, слила недопитый коньяк из чашек и из бутылки в одну рюмку, огорченно хмыкнула — маловато набралось — и выпила.

— Вот так, дорогая, — произнесла она вслух. — Вот так ты теперь живешь. А Андрей не догадался сотенку гривен подбросить... Какая бы жизнь сейчас у меня началась! Извини, Андрюшенька, понимаю, что не из жадности... В жадности тебя никогда нельзя было упрекнуть... Вернись! — вдруг закричала она. — Вернись! Заклинаю — вернись! — И обессиленно прислонилась спиной к стене.

В этот момент раздался звонок мобильного. Звонил Андрей.

— Извини, Света... Я не спросил... У тебя как с деньгами?

— Прекрасно! Как всегда! Лучше не бывает!

— Понял, — сказал Андрей и отключил связь.

В дверь он позвонил через пять минут. Света тут же открыла — она заранее подошла к двери.

— Почему ты не спрашиваешь, кто пришел?

— Чую.

— Ладно... Извини, я не успел поменять, у меня только рубли... — Он протянул пятитысячную купюру. — Там, на скамейке возле базара, мужик сидит под зонтиком, Витя его зовут, меняет...

— Знаю. — Света взяла деньги и положила на стол.

— У него всегда был лучший курс.

— Знаю.

— Сдачи не надо, — улыбнулся Андрей.

Света сделала шаг вперед и неожиданно для самой себя вдруг обняла его и на какое-то время замерла.

— Подыхаю, Андрюшенька, — прошептала она сквозь слезы. — Просто подыхаю...

— Вижу.

— А деньги твои я пропью. Заранее говорю — пропью.

— Значит, такая у них судьба.

— У меня еще не было в руках пятитысячной бумажки. Это больше тысячи гривен.

— И через это надо пройти.

— Ты... Не пропадай, ладно?

— Мобильник в кармане, а от Веры сюда идти не больше пяти минут.

— Десять, — поправила Света.

— На такси доберусь за пять. Там Саша всегда на изготовке.

— Деньгами-то не очень разбрасывайся... Они мне еще понадобятся.

— Буду экономить.

— И Вере не слишком отваливай... Перебьется.

— Как договорились.

— Вот отмокну немного, протрезвею, может, ко мне переберешься...

— Думаешь, мне это дешевле обойдется? — рассмеялся Андрей.

— Ладно... Катись. Не пропадай.

И опять Света не вышла на балкон. Сейчас она уже не имела на это права — получится так, что будто за деньги благодарит, а это уже было недопустимо в их отношениях. Но сквозь штору посмотрела во двор. Андрей опять не оглянулся, понимал — не надо, получилось бы, что ждал благодарности. Захотела бы, окликнула. Но почему-то знал, что Света смотрит на него сквозь штору. И перед самым поворотом на улицу, не оглядываясь, поднял руку и потряс в воздухе кулаком, дескать, все понимаю, держись, я с тобой.

— Вот так, девочка, — пробормотала Света, падая на диван, втиснутый между холодильником и простенком. — Все получилось, как ты и хотела... Жизнь протекает, как прежде... Протекает? Или все-таки вытекает, будто из дырявого ведра... На самом доньшке что-то еще плещется... — Она повертела перед глазами купюрой, оставленной Андреем, и, положив ее на стол, поставила сверху пустую бутылку из-под коньяка, чтобы не унесло сквозняком.

Опять задремал мобильник.

Света взяла трубку, взвесила ее на ладони, словно уже догадывалась, кто звонит.

— Да. Слушаю.

— Привет. Это я.

— Узнала.

— Как поживаешь?

— Плохо.

— Может, увидимся?

— Зачем?

— Разговор есть.

— О чем?

— О тебе, обо мне.

— О Лене ты уже не хочешь говорить? Разобрался? Я на очереди?

— Давай, Света, увидимся... Надо. Я на скамейке возле почты. Все немного не так, Света... Все немного не так.

— Ты хочешь сказать, что Лена жива?

— Подходи, Света. Я на скамейке. Возле почты. Буду ждать.

На скамейке Света увидела тощеватого парня, одетого настолько неприметно, что, отвернись она от него на секунду, и уже не смогла бы сказать, во что он одет. Какие-то джинсы, не то польские, не то турецкие, какая-то рубашка, чуть светлее штанов, заношенные

босоножки, похоже, действительно на босу ногу. Весь он выглядел каким-то запыленным — волосы, одежда, да и ногти не мешало бы привести в порядок. Увидев Свету, он бросил в стоявшую рядом урну недокуренную сигарету, попытался было встать, но остался сидеть. Похоже, просто для того, чтобы быть незаметнее. Человек, вставший со скамейки, потом снова севший, уже обращает на себя внимание.

Света присела на некотором расстоянии. Парень сидел, поставив локти на колени и глядя прямо перед собой.

— Хорошо выглядишь, — проговорил он, помолчав.

— А чего мне выглядеть плохо? Ты ведь еще не поработал надо мною.

— Хочешь, я скажу тебе одну вещь...

— Скажи. Интересно даже.

— Я ничего не помню. Представляешь... Я совершенно ничего не помню. Из того, что произошло.

— А как меня зовут, помнишь?

— Ладно, Света, ладно... Я говорю то, что есть.

— Может, это и не ты был?

— Может...

— Вон ты куда гнешь...

— Я никуда не гну. Я делюсь с тобой тем, что есть.

— А как кровь с себя смывал, помнишь?

— Нет.

— Так ведь и одежда на тебе должна быть в крови. Не голым же ты домой добирался.

— Я сжег всю одежду.

— Почему? В крови была?

— Да. В крови. Я тоже весь порезался... А как все произошло, не помню. Ничего не помню. Провал.

— А раньше резал детей?

— Не помню.

— Напомнят.

— В каком смысле?

— Такие случаи в картотеки собирают. Им достаточно взять тебя и про все другие случаи напомнят. Память твою освежат. Подозреваю, ты и в других местах наследил. Фотки покажут, экспертизы, отпечатки... Это милиция не нашла твоих следов. А я-то их сразу увидела, сразу поняла, какой гость навестил Лену...

— И какие же я следы оставил? — Парень наконец распрямился и в упор посмотрел на Свету.

— Оставил, дорогуша. Следы всегда остаются.

— Света, сделанного не вернешь, но я не вру... Говорю же — провал в памяти.

— И что из этого следует? Провал у тебя случился в одном месте, писька наслаждения потребовала, крови захотелось детской... И что из всего этого следует?

Парень долго молчал, хотел было закурить, но спрятал сигареты и, поставив локти на колени, опять уставился в просвет между киосками.

— Ну не такая я уж сволочь! Может, больной? — В его голосе прозвучало нечто вроде надежды.

— А какая разница? Больной ты или здоровенький? В любом случае тебя уничтожить надо. А может, за тобой давно след тянется из трупиков, ножом исполосованных? Может, тебя по всей стране ищут? А ты тут на солнышке маешься — а может, я больной, а может, я не сволочь... А одежду окровавленную сжег. Значит, все понимаешь. Значит, и провалы у тебя как раз там случаются, где опасность светит.

Света поднялась со скамейки, уже собираясь уйти, но парень успел схватить ее за руку.

— Подожди. Я еще кое-что хочу сказать... Сядь.

Света села.

— Ты должна знать... Нам с тобой не разъехаться... Я всегда буду с тобой, хочешь ты того или нет. Я от тебя не отстану.

— И будешь время от времени приходить ко мне с окровавленным членом? Отмываться будешь приходить? Трусишки твои я должна буду застирывать? Да? Кровь засохшую я буду из-под твоих ногтей выскребать, да?! Хочешь, скажу... Я тебя собственными руками удавлю.

— Ладно... Разберемся... Это хахаль твой старый приехал? В поселке поговаривают, дочери твоей отец?

— Ну? Ты что-то сказать хотел?

— Передай ему — пусть не возникает. Не надо ему возникать. И сама тоже...

— Что тоже? Заткнуться?

— Вроде того. Я сказал то, что хотел. Правду сказал. Повинился, как мог. Но голову в петлю совать не буду. И постоять за себя еще могу. Если меня до сих пор не взяли, то уже и не возьмут. Нет у них доказательств. И следов не осталось. Я это сделал или кто другой... Проехали. Поняла? Проехали.

— Поняла.

— Тут слухи дошли, что божью кару накликать на меня хочешь? Вот это — пожалуйста. Сколько угодно. Молись по ночам. В церковь можешь сходить разок-другой. Исповедоваться в грехах захочешь, тоже не возражаю. Но со словами осторожней. Пасть свою не раскрывай.

— Неужели порвешь?

— Порву. И ты знаешь, что смогу. И ничто меня не остановит. И это ты знаешь.

— Ты, похоже, выздоравливаешь? Память возвращается? Опять на кровушку потянуло?

— Я все сказал. Живите, плодитесь, размножайтесь. Солнце, воздух и вода к вашим услугам. Но ведите себя прилично. Берегите себя. Вы еще молодые, и ты, и твой хахаль. У вас еще дети могут быть. Хорошенькие.

— А вот это ты напрасно сказал, дерьмо собачье. Тут ты маленько перегнул палку.

— Жизнь покажет, — улыбнулся парень.

— Смерть покажет, — поправила его Света.

Андрей уныло брел вдоль ржавых заборов, исполовавших парк, как шрамы, нанесенные рукой сильной и безжалостной, брел, словно желая убедиться, что причудливые эти заборы — не лабиринт, сооруженный для потехи разомлевших пляжников, а действительно железная поступь нового времени. Брел, пока не вышел все к тому же раскаленному на солнце бассейну, в котором никто никогда не видел воды — только бутылки, только пакеты, только срамные отходы ночной человеческой жизни.

Впрочем, вода здесь все-таки когда-то была, поскольку камень, торчащий заскорузлым пальцем в небо, был покрыт ржавчиной, какая бывает от неочищенной водопроводной воды — то ли пытались когда-то отмыть камень от плесени, то ли из каких-то щелей били в далеком прошлом жиденькие фонтанные струйки, которые ни с чем пристойным сравнить просто невозможно...

Посидев в тени на скамейке и полюбовавшись на угластую глыбу гранита, с которой у него, как и у многих в Коктебеле, было связано немало счастливых воспоминаний, Андрей двинулся дальше, к узкой калитке, через которую можно было выйти на набережную. Здесь уже шла торговля — раковины, подсвечники, ножи, украшения из камня... Но продавцы, разморенные на полуденном солнце, и к своему товару, и к покупателям были совершенно безразличны.

Литературно-музыкальный салон «Богдан» Славы Ложко располагался, наверно, в лучшем месте Коктебеля — на набережной, на центральной торговой площади, на которую выходила и бывшая писательская сто-

ловая. Помещение салона было просторное, но мрачно-ватое. Впрочем, именно мрачноватость многих как раз и привлекала — здесь можно было укрыться от зноя и полюбоваться видом на Карадаг. Вряд ли еще какое заведение могло похвастаться таким видом. А если вам достанется столик у перил, вообще можете считать себя самым везучим человеком на набережной.

Именно за таким столиком и застал Андрей хозяина заведения.

— Привет, Слава!

— Наконец и до меня добрался... А то мне с утра доклады идут — с кем пьешь, что пьешь, в каком количестве... Рюмку коньяка осилишь?

— Если с тобой, осилю.

— Ну, ладно, так и быть... Нарушу режим. Когда приехал?

— Утром. Какие новости?

— А у нас одна новость. И ты наверняка уже о ней знаешь. Света рассказала, Вера дополнила... Надолго приехал?

— Как получится.

— Ты не имеешь права уезжать, пока не пришибешь маньяка. Понял? Спрашиваю — понял?

— А если он меня?

— Это я беру на себя. Будешь под моей крышей. Понадобится помощь... любая... — Слава помолчал. — Я с тобой. Усек?

Слава произнес не пустые слова. Он был своим человеком и в криминальных кругах, и в уголовном розыске, и в местных властях — все эти ребята предпочитали проводить свои посиделки именно в «Богдане». Случалось, что они отмечали свои победы одновременно: и тогда только Слава Ложко мог разобраться, кто из какой компании. Громадный, седой, с лицом, словно высеченным из розового сердолика, он действительно везде был не

просто свой человек, а как бы даже в авторитете. С ним советовались, ставили в известность и полушутя даже отчитывались и воровские авторитеты, и следователи, и чиновники поссовета, зная, что дальше Славы никакие сведения не пойдут. Ни в какую сторону.

— Спрашиваю — усек? — повторил вопрос Слава.

— Ты о другом спрашиваешь... Ты хочешь знать, не дрогну ли я? Так вот — не дрогну. Сезон заканчивается в октябре... Время есть.

Слава протянул громадную свою ладонь размером в две нормальных и молча пожал Андрею руку.

— На Свету не надейся — она рехнулась.

— Я знаю. А Вера как?

— Это наш человек.

— Значит, нас уже трое?

— Ни фига! Я всю свою банду брошу в это дело. И феодосийский угрозыск. И из криминала ребята не откажутся помочь. Они таких шуток не любят. Им только скажи кто... И завтра утром его по кускам собирать будут. А для начала по горным дорогам прокатят.

— Это как?

— Хорошая веревка, петля вокруг пояса, второй конец за бампер. И небольшая прогулка вокруг Карадага. Когда останавливаются, петля чаще всего уже пустая. Правда, немного запачканная. Но кровью мы все немного запачканные. Или освященные. Уже жертвенной кровью.

— Какой кошмар! — восхитился Андрей.

Слава поднял руку, привлекая внимание пробегающей мимо официантки.

— Жанна, значит, так... Наш юный друг, — он кивнул в сторону Андрея, — в северном стойбище, Москва называется, провел зиму без коктебельского коньяка, представляешь?! Мы можем ему помочь?